

Перченков Григорий

11.01.98

НА ВЕРТЕЛЕ ИСКУССТВА

В галерее «На Солянке» открыта выставка Григория Перченкова — неповторимого художника поколения глухих семидесятых

Кирилл Ильющенко

ЖИВОПИСЬ Перченкова требует интерпретации и соучастия. Его картины — образы исчезнувшего «московского еврейского гетто» 70-х. Герметичный мир иудаизма по определению невыразим: как известно, в Библии существует запрет на прямое изображение человека. В Ветхом Завете почти нет прямых описаний облика людей или предметов, их заменяют метафоры, превращающие пир чувств в пир символов, подчиняющие ненасытный глаз острому разуму. Лишь XX век открыл зрительный мир еврейства, правда, скорее в характерных, местечковых проявлениях.

Григорий Перченков создал глубоко личный и одновременно универсальный мифологический словарь, пронизанный многовековым национальным опытом. На картинах мы видим величественных раввинов всех поколений, рядом с ними магические символы силы и бессилия — загадочные львы и олени. На выставке очень много двойных, тройных портретов, на которых одновременно изображены реальные и мифические персонажи. Но собеседники молчат, оставаясь замкнутыми в неопределяемые коконы одиночества. Цветовая композиция также строится на резких противопоставлениях: глубокие синие, яркие охры, кричащие красные, нервные желтые — все это напоминает восточный ковер в раскаленный подъезд. При всей несомненной оригинальности Перченков принадлежит к поколению художников, вынужденных влиять молодое вино в старые, меха художественных систем начала века.

Неожиданно актуально смотрится графика, лишь на первый взгляд похожая на социально-критичные серии близких художнику участников группы «Лефортово» (Оскар Рабин, Михаил Рогинский и др.). Природа этих иссиня-черных рисунков совершенно иная — это, скорее,

Портрет неизвестного (Арлекин).

жесткие, предельно лаконичные образы безликого зла под маской коммунального быта. Художник бессознательно соединил спонтанную, почти примитивистскую манеру с напряженным индивидуальным мифотворчеством. Сюжеты напоминают чем-то штудии раннего Ван-Гога, но лишены сопереживания изображеному. Чего стоит грузная, подчеркнуто объемная женская фигура без головы, полная угрозы и агрессии.

На рисунках — стул. На стуле — пачка папирос «Прибой». В левом верхнем углу написано «Беляев». В нижнем правом — «охранный» знак — темное пятно, защищающее автора и зрителя. В комнате Перченкова висел огромный плакат: «Со мной никогда ничего не случится». Лишенные пластической изощренности, эти рисунки кажутся материалами беспощадной ревизии Страшного суда, своего рода жалобой в письменной

форме в небесную канцелярию на преступные небрежности бытия.

Сталкиваясь с работами художника, отмеченного печатью таланта и душевной болезни, рано покончившего с собой, зритель вынужден задавать себе вопросы, ставшие особенно важными в искусстве 80—90-х годов. И главный из них: что такое искусство, а точнее, когда искусством перестает быть искусством и становится документом? Как влияют имя и биография художника на восприятие его произведения? Какова природа художественного воздействия и отличается ли оно от искусства самовнушения? Собственно, кто автор? Художник, как считали всегда? Галерист, как считают галеристы? А может быть, зритель?

Попадая на выставку, опытный зритель оказывается вовлеченным в увлекательную и опасную игру: поочередно превращаясь то в охотника за смыслами и знаками, то в жертву собственной впечатительности или предубеждений.

В игре принимает участие экспозиционер, невидимый, но могущественный режиссер спектакля. Он придает разрозненному собранию работ видимость целостности, выделяет одно и затушевывает другое, пуская по ложному следу или выводя прямиком на добычу. Задача зрителя — не попасть в ловушки, составить независимое, насколько возможно, впечатление, сыграть роль охотника, а не жертвы.

Кураторы выставки Перченкова весьма умело распределили зрительское внимание, передав стесненно-плотной развеской внутренний мир автора. Кожей можно ощутить растущее напряжение в контрастах открытых цветов или лихорадочности черного штриха. Горячая цветовая гамма усиливается теплым тоном подсвечивающих ламп. Зритель добровольно зажаривает себя на вертеле искусства, но в этом ли его цель?